

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 12
(2066)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья Б. Кагарлицкого «От совестливой номенклатуры – к буржуазному олигархату», опубликованная в журнале «Эксперт», № 1–2, 20 декабря – 16 января 2022 года.

Вологда
февраль 2022

От совестливой номенклатуры – к буржуазному олигархату

Какую эволюцию прошла советская элита,
прежде чем решилась свернуть советский проект

Первые разговоры о перерождении советской бюрократии начались еще во время Гражданской войны. Позднее эту же тему развивала левая оппозиция, сетовавшая на то, что правящая верхушка в СССР обуржуазилась.

Понятно, что в сталинские времена вести подобные дискуссии было делом опасным. Но показательно, что уже в 1954 году на сцене ленинградского БДТ была поставлена пьеса Леонида Зорина «Гости», где речь шла именно об этом. Написана она была еще в марте, сразу после смерти Сталина. И тут же привлекла к себе внимание режиссеров и публики.

Пьесу начали ставить во многих театрах, но начальство быстро спохватилось и запретило ее. Спектакли были сняты с репертуара, а на автора обрушилась критика в официальных газетах.

Болезненная реакция на пьесу, которую сам драматург отнюдь не относил к числу своих лучших произведений, свидетельствует о том, сколь деликатной для советского общества была поднятая в ней тема. По словам самого Зорина, это была «после тридцатилетнего молчания – первая пьеса, где была затронута тема номенклатурного перерождения советского чиновника».

После истории с «Гостями», несмотря на разоблачения XX съезда и заметное расширение сферы, где допускалась свободная дискуссия, тему социального и культурного перерождения советской элиты в легальных публикациях старались избегать.

Можно было в течение некоторого времени писать про сталинские лагеря (напомню, что «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына даже выдвигали на Ленинскую премию). Можно было намекать на отсутствие свободы. Иронизировать по поводу убожества советского быта. А вот критиковать советскую элиту в плане социальном было крайне нежелательно.

Мучительные привилегии

Нельзя, конечно, утверждать, будто эта тема в годы оттепели не мелькнула нигде, но в целом тенденция была однозначна. Власть готова была

признать некоторые проблемы со своей прошлой историей и даже со своей текущей политикой. Но не существование социальных противоречий внутри советского общества.

Естественно, вытесненная из легального поля, дискуссия перешла в поле нелегальное. В Советский Союз проникали книги Милована Джиласа («Новый класс») и Михаила Восленского («Номенклатура»), где рассказывалось о привилегиях элиты и авторы доказывали, что партийно-государственная верхушка СССР (и других стран, принадлежавших к советскому блоку) превратилась в коллективного собственника средств производства и, тем самым, в коллективного эксплуататора.

Показательно, что, несмотря на явный антикоммунистический пафос, оба автора пытались оперировать марксистскими категориями, причем именно в той догматической интерпретации, которая сложилась в рамках тогдашнего коммунистического движения.

С легкой руки Восленского термин «номенклатура» вошел в массовый обиход, став социологическим обозначением высшей советской элиты, которая упорно скрывала от общества сам факт своего существования в качестве особой привилегированной группы.

Но спрятавшись за высокими заборами государственных дач и глухими дверями закрытых распределителей, эта привилегированная группа лишь демонстрировала всему населению, что не просто отгораживается от него, но и страдает коллективными муками нечистой совести, ибо не готова демонстрировать свой образ жизни публично и открыто.

Мучительная необходимость скрывать собственное богатство и привилегии, безусловно, стала одним из психологических механизмов, способствовавших впоследствии не только открытому переходу бывших номенклатурщиков в стан реставраторов капитализма. Она объясняет и вакханалию престижного (и демонстративного) потребления, в которую погрузились социальные верхи нашего общества уже в постсоветскую эпоху.

Однако проблема гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. И самый факт, что

номенклатура не могла публично признаться обществу в собственном существовании, свидетельствует о наличии в СССР целого ряда механизмов, ограничивавших ее возможности. Не только на уровне пропаганды, идеологии и культуры, но и на уровне институтов.

Привилегии номенклатурщиков были, конечно, значительными по сравнению с тем, что имел рядовой советский гражданин, а потому крайне раздражающими. Но по сравнению с тем, что имел правящий класс на Западе или в азиатских странах, они были совершенно ничтожными (что, кстати, тоже становилось раздражающим фактором для самой советской элиты, начинавшей испытывать комплекс неполноценности по отношению к зарубежным партнерам).

Тем более жалкими и смешными выглядят все эти советские номенклатурные радости по сравнению с образом жизни постсоветской олигархии и даже средней буржуазии. Невозможность легализовать свое положение, сделать престижное потребление открытым и публичным, отравляла жизнь тем больше, чем более информационно открытым становилось советское общество: несмотря на все запреты и ограничения, связи СССР с внешним миром неуклонно расширялись на протяжении всего послевоенного периода, в том числе в годы брежневского застоя.

И все же причину перерождения номенклатуры надо искать не в ее образе жизни или в ее потреблении, а в гораздо более глубоком противоречии. Структура советского общества и организация государственных институтов были таковы, что бюрократическая элита, даже обладая монопольной возможностью принятия решений, огромной, почти безграничной властью и возможностями контроля над политической жизнью общества, в то же время вынуждена была управлять и принимать решения именно в интересах развития общества, а не в своих собственных, индивидуальных или коллективных.

Конечно, номенклатура себя не забывала, что проявлялось не только в привилегиях, но прежде всего в последовательном блокировании всех попыток повысить эффективность управления за счет дебюрократизации.

И все же, как бы ни пыталась советская верхушка отгородиться от общества, структура вла-

сти была построена таким образом, что не допускала жестких разрывов. Вертикальная мобильность постепенно снижалась, однако вышестоящие органы и персонал постоянно оказывались во взаимодействии с нижестоящими и не могли их игнорировать. Критически мыслящая интеллигенция ссылалась на отсутствие обратной связи в управлении, но на самом деле эта обратная связь существовала, только работала она совсем не по тем каналам и не теми способами, как на демократическом Западе.

Западный менеджер и советский бюрократ

В условиях капитализма собственник обладает полным суверенитетом в рамках своей корпорации, как феодальный князь в своей вотчине. И как бы ни ограничивалось это право различными юридическими конструкциями, оно остается не только «священным», но и защищаемым теми же законами, которые его в чем-то ограничивают.

Разумеется, в эпоху всеобщей демократизации 1960-х годов господство корпоративной элиты в западных странах находилось под постоянной угрозой – не только со стороны общественных низов и выборных государственных органов, но прежде всего со стороны средних и низших слоев той же управленческой бюрократии, участие которой в процессе принятия решений размывало суверенитет собственников.

Именно в этом была суть пресловутой революции менеджеров, о которой писал выдающийся экономист Джон Гэлбрейт. Власть расплылась и перераспределялась, превращая управление из способа обслуживать частные или коллективные интересы собственников (прежде всего ради их обогащения) в непосредственно общественный, хоть и не вполне демократический процесс.

Парадоксальным образом именно наступившая после Второй мировой войны демократизация делала западное общество не просто менее буржуазным и более технократическим, но во многих отношениях все более похожим на советское. И не случайно именно тогда на Западе получает широкое распространение «теория конвергенции», обещающая окончательное слияние двух конкурирующих моделей индустриального общества. И ведь не только Джон Гэлбрейт эту теорию пропагандировал. Академик Сахаров тоже на первых порах ее придерживался.

Власть правящей верхушки в СССР была ограничена не волей народного собрания и даже не законами, защищающими личность и собственность, как на Западе, а структурой самой же управленческой системы. Она не позволяла ни одному чиновнику (и даже группе чиновников) достичь полного суверенитета в своей корпорации, а сами эти корпорации были настолько тесно связаны между собой, что не могли работать, не учитывая интересов друг друга, а также интересов общего экономического развития.

Точно так же не было никаких оснований говорить о бюрократии как о коллективном собственнике. Этот собственник не был отделен от не-собственника, от массы рядовых советских граждан, постоянно требовавших внимания к своим интересам, участвовавших в массе неизбежных, пусть и формальных процедур. Например, писавших жалобы на начальство и друг на друга, договаривавшихся по мелочи с руководством своих предприятий и постоянно, хоть и косвенно, вовлеченных в процесс принятия решений.

Сказывалась тут и природа советского планирования, ориентированного на комплексность и целостность. Эта система, несмотря на чудовищную и непрерывно нарастающую бюрократизацию, все равно была ориентирована на интересы дела, интересы развития, которые формулировались не на самом верху партийно-государственной элиты, а получали выражение в результате коллективных усилий экспертов, управленцев и чиновников более низкого ранга на многих уровнях.

Правила были весьма жесткими. Например, любое решение о строительстве завода влекло за собой целую цепочку других решений – о строительстве жилья, об открытии магазинов, школ, детских садов, о создании железнодорожных станций и формировании новых маршрутов поездов. Причем, как легко догадаться, это всегда выходило за рамки вопросов, касавшихся только одного ведомства или даже территориальных органов власти. Система Госплана порождала длинные цепочки согласований, необходимость комплексно увязывать между собой социальные и экономические решения.

Как и на Западе, сложная система горизонтальных и вертикальных согласований отнюдь не была бесконфликтной. И наряду с противоречиями между ведомствами и учреждениями она неминуемо выяв-

ляла и противоречия между своим высшим и средним звеном. Чем сложнее становилась система, тем менее эффективным делалось централизованное управление, которое сложилось во времена форсированной индустриализации.

По сути дела, в 1960-е годы СССР вплотную подошел к своей собственной версии «революции менеджеров», выразившейся в первоначальном проекте пресловутой «косыгинской» реформы, когда руководству предприятий готовы были предоставить широкую автономию, одновременно позволив налаживать горизонтальные связи. И в то же время каждое отдельное предприятие, напомилавшее, по выражению социолога Павла Кудюкина, «индустриальную общину», превращалось в островок если и не самоуправления, то, во всяком случае, в самостоятельный коллектив с общими интересами.

«Расщепленная централизация»

Нетрудно догадаться, что такое развитие событий не только не укрепляло позиции номенклатуры как пока еще только потенциального коллективного собственника средств производства. Напротив, оно подрывало ее шансы консолидировать свое господство.

Реформа, начатая в 1964-м, была свернута в 1968–1969 годах параллельно с подавлением силой советских танков демократических преобразований в Чехословакии. Совпадение здесь далеко не случайно. Ведь именно начатая там экономическая реформа не только быстро поставила на повестку дня вопрос о политической демократизации, но и спровоцировала превращение Коммунистической партии Чехословакии именно в партию. Таковую, которая пользуется поддержкой большинства населения, способна побеждать на выборах, но при этом не занимается непосредственно вопросами хозяйственной деятельности, местного управления или вопросом о повышении надоев коров.

Переход практических вопросов в ведение демократических структур и технократических профессиональных команд лишал номенклатуру остатков экономического суверенитета, без которых и политическая власть, ограниченная жесткими нормами права, в значительной мере теряла смысл.

Свертывание реформ в начале 1970-х устранило угрозу стихийной управленческой демократизации, но не решило проблему эффективности. Эта проблема была по-своему решена (вернее, выведена за скобки) в 1973–1974 годах благодаря новой стратегии команды Леонида Брежнева. Эта стратегия имела две основные составляющие.

С одной стороны, резкий рост цен на нефть после арабо-израильской войны 1973 года создал условия для резкого расширения советского участия в глобальной экономике. Пытаясь с помощью нефтяного эмбарго заставить Запад отказаться от поддержки Израиля, арабы добились совершенно иного результата, радикально изменив структуру мировых рынков.

Теперь СССР входил в систему глобального разделения труда в качестве поставщика сырья. А хлынувший на советскую экономику поток нефтедолларов (и возможность получения на Западе дешевого кредита) создавали у правящих кругов иллюзию ненужности реформ. Если мы что-то не можем произвести сами, мы это купим.

Единственным сектором, по-прежнему нуждавшемся в собственных технологических инновациях и в эффективном управлении, оставалась оборонка, которую можно было поддерживать на высоком уровне централизованными усилиями, постоянным вливанием денег и привлечением лучших кадров за счет других отраслей.

С другой стороны, проблему управления все равно надо было как-то решать. И если политика децентрализации была отвергнута, то на смену ей пришла своего рода «расщепленная централизация». Полномочия и ресурсы в очередной раз перераспределялись, но не сверху вниз, а непосредственно наверху.

Ведомственные «наделы»

Всякий, кто задумает проследить эволюцию советской системы управления в 1970–1980-е годы, будет поражен стремительным ростом числа отраслевых министерств и ведомств. Каждая отрасль и даже подотрасль производства стремилась получить собственную управленческую структуру, которая занималась бы только и исключительно ее делами. Если передавать полномочия вниз было нельзя, пришлось наверху до предела усиливать специализацию.

Но именно эти новые ведомства уже превращались во все более замкнутые и самодостаточные корпорации, работавшие на себя. Природа планирования постепенно менялась. Вместо технического согласования решений Госплан теперь должен был стараться удовлетворять амбиции растущего числа отраслевых лобби, каждое из которых использовало любые административные и коррупционные инструменты для усиления своих позиций. Партийные начальники, впрочем, в накладе не остались. Ведь именно к ним обращались за поддержкой отраслевые лоббисты, стремившиеся добиться своих целей.

Коррупционность высшего начальства стремительно усиливается. Но в то же время меняется и структура элиты. Партийно-государственная номенклатура уже не сплоченная группировка. И тем более не пресловутый «орден меченосцев», о котором мечтал Сталин. Теперь это конгломерат групп и кланов, каждый из которых имеет собственные завязки и взаимные обязательства со «своей» группой хозяйственных и региональных начальников.

Двигаясь в таком направлении, советская экономика к середине 1980-х уже вполне была готова к приватизации. Мало того, что корпоративные структуры более или менее оформились, став самодостаточными, но и нарастала интеграция СССР в мировой рынок. Тем самым переход к открытой экономике капиталистического типа для многих корпораций, связанных с сырьевым сектором, уже выглядел не только вполне возможным, но и привлекательным. По сути, траектория развития, по которой Россия идет вплоть до настоящего времени, вполне оформилась в поздние советские годы.

Любопытно, что в это же время на Западе разворачивается процесс, получивший название «контрреволюция акционеров». Если у нас угроза демократической конвергенции была предотвращена вторжением в Чехословакию и свертыванием «косыгинской» реформы, то в США и в Западной Европе элиты действовали менее грубо, но не менее решительно.

Начавшееся повсеместно изменение структуры капиталистических корпораций привело к тому, что более или менее единая структура менеджмента раскололась. Высший менеджмент за счет приобре-

тения крупных пакетов акций был интегрирован в класс собственников, а основная масса рядовых управленцев и бюрократов была лишена рычагов влияния на стратегические решения и превращена в обычных исполнителей, хорошо оплачиваемых и покорных наемных работников.

На политическом уровне тот же процесс выразился в торжестве неолиберализма, когда сперва правительства Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана в Британии и США, а потом и руководство других стран (включая социал-демократов) не только начинают проводить меры по приватизации государственного сектора и демонтажу социального государства, но и последовательно ограничивают возможности демократических институтов влиять на какие-либо решения.

Это делается под предлогом защиты рынка и бизнеса от бюрократического вмешательства, но армия бюрократов по ходу дела только растет, тогда как демократические институты выхолащиваются и отмирают. Демократия все более превращается в фасад, украшающий довольно неприглядное здание корпоративного господства.

Таким образом, не только советская элита к концу 1980-х годов была готова к приватизации, но и Запад был готов к тому, чтобы принять в свои объятия бывших соперников. Конвергенция происходила, но совершенно не таким способом, как мечтали Гэлбрейт и Сахаров в 1960-е. Скорее речь шла о негативной конвергенции, в ходе которой советскому обществу предстояло утратить свои социальные завоевания, а западное общество становилось все менее демократическим.

Последняя преграда перед приватизацией

Однако в Советском Союзе оставалась нерешенной проблема идеологии. И дело не только в том, что в эту идеологию приватизация и окончательное превращение номенклатуры в корпоративную буржуазию не особо вписывались (решили же эту проблему в Китае). Трудность перехода к капитализму состояла в том, что на практике коммунистическая идеология играла в СССР примерно ту же организующую и сдерживающую (по отношению к произволу власти) роль, какую играет, например, конституционное право в США.

На основе идеологии функционировала своеобразная система сдержек и противовесов, каналы

обратной связи и вертикальной мобильности. Идеология (как и закон на Западе) одновременно легитимировала господство правящей элиты и сдерживала ее амбиции. Идеология пронизывала быт советских людей, регулируя общественное поведение, делая его предсказуемым. Этот идеологический порядок, конечно, не заменял отсутствующей демократии, но для большинства населения более или менее компенсировал ее отсутствие.

Коммунистическая идеология в ее советском варианте также требовала от власти постоянных достижений в социальном и экономическом развитии. Власть должна была не только постоянно чем-то делиться с народом, доказывая тем самым свою легитимность. Сама идея социально-экономического прогресса была жестко вписана в господствующую систему ценностей.

Бюрократия советского типа формировалась в ходе индустриализации и модернизации, она обязана была служить данной цели или, по крайней мере, делать вид, будто служит. Мало того, что это было обременительно, но и получалось с каждым годом все хуже, а снижение динамизма советской системы подрывало ее легитимность.

Неудивительно, что переход к капитализму начался с решительного демонтажа именно идеологии и связанных с ней институтов. Задним числом у многих людей, ностальгирующих по СССР, это создало идеалистическую иллюзию, будто именно отказ от идеологических догм породил крах системы, но в действительности (в строгом соответствии с теорией Маркса) дело обстояло совершенно наоборот. Эволюция системы породила у правящих кругов необходимость избавиться от оков идеологии.

Элита, которой не нужен прогресс

Превращение в буржуазию всегда было тайной коллективной мечтой номенклатуры. В 1989–1991 годах эта мечта сбылась. Правящее сословие смогло, освободив себя от оков идеологии (а заодно и морали), стать полноценным классом, приватизировав не только собственность и власть, но в значительной мере и само государство.

Разрыв между элитой и обществом не только окончательно оформился, но и приобрел характер непреодолимого противостояния, обострив социальные противоречия до такой степени, какой они

уже давно не достигали в развитых капиталистических странах (хотя и там они стремительно нарастали).

Разумеется, как и любой сложный процесс общественной трансформации, превращение номенклатуры в буржуазию не могло произойти без серьезных издержек (от которых понесли урон и сами победители). Поскольку все советское государственное устройство было не только тесно увязано с господствующей идеологией, но и непосредственно соединено с интегрированной системой планирования и управления, раздел собственности закономерно сопровождался распадом страны.

Ликвидация СССР в декабре 1991 года не только развязала руки новым «национальным» элитам, разделившим между собой наследие сверхдержавы, но и окончательно обрушило идеологические структуры, лишив их привязки к государственной традиции и истории. Историю теперь можно было не проживать как часть прежней, а сочинять заново.

Разрушение хозяйственных связей стало не менее, а скорее даже более тяжелым стрессом для предприятий, чем открытие рынков для иностранной конкуренции. Но именно эта катастрофа облегчила реализацию конкретных планов приватизации. Собственность уходила в частные руки за бесценок, ее легко было делить.

Значительная часть предприятий так и не оправилась от случившегося, а многие новые хозяева в итоге получили куски гораздо менее ценные, чем рассчитывали (хоть это было результатом их собственной политики в процессе перехода). Произошла сырьевая примитивизация экономики, что сделало долгосрочное повышение эффективности практически невозможным – в рамках сложившейся структуры интересов.

Изменяя свою классовую природу, элита неминуемо вынуждена была изменить и свой персональный состав. Появились новые люди, не

просто успешно примазавшиеся к правящему классу в процессе его формирования, но и активно влиявшие на этот процесс в своих интересах.

Новая буржуазная элита так и не смогла полностью отделиться от традиционной бюрократии, но зато полностью изменила характер государственного управления, поставив его в зависимость от управления корпоративного. А силовые структуры, востребованные в процессе перехода как его защитники, сами сделались подобием бизнес-корпораций, часто вступающих в конкуренцию с другими такими же корпорациями.

Но самое главное изменение, которое произошло с отечественной элитой в процессе превращения номенклатуры в буржуазию, состоит в том, что она полностью утратила заинтересованность в развитии и модернизации общества.

Советская бюрократия сформировалась в процессе индустриализации. Ее структура формировалась для решения соответствующих задач, и ее легитимность в значительной мере основывалась на том, что подобные задачи так или иначе решались.

Теперь олигархия освободила себя от подобных обязательств точно так же, как и от старой идеологии, о которой старшее поколение иногда ностальгически вспоминает в дни советских праздников. Ни структура власти, ни ее идеология, ни ее непосредственные интересы не диктуют новым хозяевам жизни необходимости что-то менять, развивать или хотя бы улучшать. Их золотой век раз и навсегда достигнут. Мечты сбылись.

А потому власть и олигархия в современной России, независимо от того, какие слова они напишут на своих знаменах, остаются глубоко консервативными и враждебными всяческому прогрессу.

Борис Кагарлицкий,
профессор Московской высшей школы
социальных и экономических наук